

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0051.01.02.

Тape #1

-Здравствуйте.

- Добрый день вам.

- Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

- Семашко Раиса.

- Какого года рождения?

- 1930

- Где вы родились?

- Я родилась в городе Минске.

- Несколько недель назад, к вам приезжали мои коллеги, и вы рассказывали им о своих военных воспоминаниях. На этот раз, мы приехали, чтобы заснять все на видео ваши воспоминания.

- Пожалуйста.

- Скажите, пожалуйста, в 41ом году, когда началась война, где вы находились?

- Я находилась с семьей в Минске. Мама, папа и я. У нас маленькая семья, всего три человека.

- Вы помните, как началась война?

- Конечно.

- Какие у вас воспоминания.

- 22 июня, если уж говорить и от этого числа начинать, то, мы узнали об этом только в 12 часов дня. Сами мы, мои родители из Бреста и у нас в это время, гостил из Бреста родственник. Как потом стало известно, он приехал к нам, и сообщил том, что очень скоро будет война. В Бресте они знали, ну как бы, быстрее чем мы в Минске. Потому что, как он говорил, немцы разбрасывали листовки, и сообщали, что вот готовится такое вторжение на территорию Советского Союза, это он уже нам говорил, по приезду в гости.

- Когда он приехал, он такие вещи рассказывал?

- Да, он уже говорил нам, ну родителям. Мне было 11 лет, когда началась война, я в этих разговорах не участвовала, но потом я уже...

- ...узнали от родителей?

- Да, узнала. И когда началась война, когда объявили, мои родители скоренько начали собирать вещи этого гостя, чтобы отправить его назад в Брест, домой. Меня оставили дома одну, они ушли на вокзал, билеты уже не продавали в Брест, они вернулись назад. И таким образом мы каких-то два-три дня, находились в Минске, немцев еще не было, война уже шла. 24ого числа, 24ого июня, родственники вскоре опять пошли на вокзал, началась сильная бомбежка, вот тогда 24ого июня лично я узнала, что такое война. Было очень страшно, потому что бомбежка была очень сильная. Бомбили зажигательными бомбами, то есть бомб упадет и тут же пожар. Город весь горел, родителей около меня не было. Когда они вернулись с вокзала, назад домой естественно никто не поехал. Город горел и в связи с этим, мы начали...родители начали собираться из города куда-то уходить.

- А вы были все время в квартире, когда ваших родителей не было?

- Нет, я была не в квартире. Я ходила по улице, где стоял наш дом. У меня на пальце висел ключ, который я хорошо помню, я постоянно крутила и плакала, потому что было очень страшно. Все люди убегали, город горел, бомбы падали, и я не знала, что мне делать и как же себя вести.

- Вы видели первых жертв, убитых, видели, чтобы люди умирали?

- Нет, я не видела первых жертв и убитых, потому что люди выскакивали из домов, а мы жили на окраине города, считалось, и дома все были деревянные и они горели. Люди выбегали на улицу из этих домов туда, где огонь был не такой интенсивный. Вот. И через некоторое время вернулись родители, и мы тоже начали уходить из города, иначе мы могли бы тоже от пожара погибнуть. И мы ушли за город: наш родственник, я, отец и мама. Вот когда мы ушли за город, потому что бомбежка все время продолжалась, вот там мы уже видели убитых: и людей, и лошадей, и деревни вокруг Минска были они тоже, так сказать горели. Вот тогда уже было страшно, тогда я уже увидела убитых людей...

- Это были беженцы?

- Это были беженцы.

- Гражданские?

- Да. Это считается, что мы были беженцами, но так как люди шли по Могилевскому шоссе, по Московскому шоссе, по Логойскому шоссе. В разных направлениях шли люди. Люди уходили по этим шоссе и немцы, конечно же, эти шоссе бомбили. Бомбили, просто бомбили людей и все. И люди погибали. Ну, мы отошли не очень далеко. Ночью тоже двигались по шоссе люди. Ну, кто шел, кто не шел и значит оставался еще в какой-то деревне. Ну, в общем полностью какая-то суматоха так сказать. Люди были неуправляемые. Не было совершенно никакой, ну чтобы кто-то, что-то говорил: что делать, как делать; такого не было. Организации никакой. И мы прошли еще некоторое время вперед, по Логойскому шоссе, а потом, утром, вышли в какую-то деревню, а нам люди говорят: "Куда вы идете? Немцы уже прошли здесь, а

вы, все еще на какую-то Москву едете, уже бесполезно”. Ну, тогда родители посоветовались между собой, и мы решили вернуться обратно в Минск. Когда мы вернулись в Минск, мы очень обрадовались, город все равно горел, тлел, пожары все еще были, но уже собственно, гореть было нечему. Когда мы вернулись в Минск, мы увидели, что наш дом не сгорел. Интересно очень, наша Сторожевская улица, она на окраине считалась, но она была такая интенсивная очень улица, одна половина улицы и домов сгорела, а другая половина осталась. Ну и все, начали приспосабливаться, жить к тому, что было.

- Скажите пожалуйста, до войны, в Минске, проживали евреи?

- Ооо. Ну конечно, не то, что проживали, а жили; всегда жили. Сколько мы помним, столько они и жили.

- Вы помните кого-то из знакомых, друзей, кого-то конкретного по имени или фамилии?

- Да.

- Можете рассказать?

- Все очень хорошо помню и очень хорошо знаю. Если вы позволите, я могу вам рассказать.

- Да.

- Я уже говорила, что мои родители из Бреста. Мы переехали в Минск и поселились мы...

- Помните когда приехали?

- Я все знаю. Но если об этом говорить, это очень много и очень долго.

- Нет, ну просто можете сказать в каком году они переехали?

- Значит, очень очень кратко. Отец мой в 1905 году, из Бреста иммигрировал в Америку. И вернулся он в 18ом году назад. Вернулся почему – потому что в России произошла революция, что все будет как в Америке, что все будет хорошо. И он молодой, он считал, что должен быть здесь, он должен по-новому строить Белоруссию и Россию. В общем из патриотических побуждений он вернулся сюда из Соединенных Штатов. И значит, граница у нас проходила здесь от Минска с Польшей 40 километров, и он стал служить на польской границе, пограничником. И вот с 20ого года, он уже житель Белоруссии, а потом мы переехали в Минск. Потом он ушел с военной службы, и мы переехали в город Минск. И когда мы переехали с родителями в город Минск, мы поселились в этом доме, где война нас застала. Какой это был дом, и какие это были жильцы? Основной дом, значит, был деревянный, разделенный на две половины. В одной половине этого дома жил хозяин – еврей, Либо.

- Либо?

- Либо, да. Во второй половине этого дома, как квартиросъемщик, жил врач, Клипцон, Натан. Его дочь с зятем потом иммигрировали в Америку, уже потом, потом, когда все закончилось.

- После войны?

- Да, после войны. А следующий дом, к этому, был пристроен другой, более новый, длинный дом. В этом доме было...5, 6...8 комнат и общий большой коридор. Это был и коридор и кухня и место где играли дети. Каждая семья, каждая семья, занимала по одной комнате.

- Это была коммунальная квартира?

- Это была коммунальная квартира. И там жили только еврейские семьи.

- Вы помните кого-то из них?

- Я помню их, помню всех. Почему? Потому что, было два дома и был общий двор, было очень много детей. Но было всего две семьи, русские – наша белорусская и вторая семья Соколовских. Детей очень много было евреев, и Соколовских тоже было много, аж шестеро детей. И только я одна была в своей семье, Семашко. Поэтому это был: общий дом, общий двор, общая жизнь, общие игры, общее веселье и общее горе. Была очень интересная еврейка, бабушка, ее звали Эстербелла, Эстербелла. Просто в народе ее звали Эстербеля, по-белорусски так. Она учила всех нас петь еврейские песни, и мы очень хорошо их пели, мы очень хорошо их знали. И праздники мы праздновали все вместе, и пейсах, и пасху и рош а шана. Отмечали все вместе, были как одна семья.

- Можете назвать еще какие-нибудь имена или фамилии?

- Так, был еще Герасимович, была Соня Эпштейн – она парикмахер, вот, ну Клипцон. Ну, по именам я их помнила, а вот по фамилиям дальше уже не так. Значит, Клипцон – это уже точно семья.

- А кого-нибудь из детей по именам помните?

- Дети?

- Да.

- Так, мой первый друг был Фима Клипцон. Потом была: Ида, Ася, Володя был, Вова. Ну, вот такие, были и меньшие и старшие. Старше меня были: Рема, Шура, Вера, Лева; ну вот такие среди Соколовских, а первые дети, были дети евреев. Ну, вот так.

- Что случилось с евреями, после того, как в город вошли немцы?

- Ни одна семья из наших двух домов, никуда не уехали и не ушли. Просто не успели. Много было пожилых людей. Ну, оставались и все. Они верили, что не произойдет то, что произошло. Просто не верили и не смогли уйти. И эти два наших дома, в которых евреи жили, все они там остались. Когда вошли немцы, в Минск, возле нашего дома, на Сторожевской улице, остановился танк. Совсем вот рядом с нашим домом. Ну, нас не трогали немцы, мы, значит с ними тоже, Вначале боялись общаться. А потом, они нас стали приглашать к себе, начали немцы нас угощать конфетами, бом-бом; кругленькими такими. Сами они себя очень свободно вели, было жарко, они снимали с себя верхнюю одежду немецкую, были в одних белых рубашках, они возле танка там брились. Ну и как-то так, мы начали более смело себя вести. Но что меня поразило тогда, что наши евреи тоже общались с немцами и говорили с ними очень свободно. Потом я уже узнала что схожий язык...

- А тогда вы не знали?

- Да, да. И они общались, немцы никого не трогали. Ну и где-то сутки немцы постояли там, почему-то с этим танком, а потом ушли. Ну и все, потом началась какая-то такая обыкновенная жизнь: страшная, еды не было, не знает никто что делать, чем заниматься. Ну это продолжалось наверное... Да, магазины, некоторые, которые не погибли от пожара, начали люди себе оттуда что-то добывать, из этих магазинов. Ну, кое-как держались. Притом, это же лето было, все-таки какая-то зелень была, а у каждого какие-то огороды были: кусты, ягоды. Вот так мы перебивались первое время. Потом начали вывешивать объявления, о том, что евреев, о том, что евреи должны переселиться в отведенных для них район. Так называемая у нас Немига.

- Немига – это так район назывался?

- Да, Немига – так назывался еврейский район. Гетто именно в районе Немиги.

- А вы эти объявления сами лично видели?

- Да, их сколько угодно было. На каждом районе, на каждом доме, столбике, было, значит, объявление, чтобы в такое-то, такое-то время евреи должны переселиться в эти районы.

- На каком языке вы помните?

- В основном объявления писали на немецком и на белорусском. И, значит, началась суматоха, потому что, люди с того района, где было определено гетто, должны были переселиться в этот район, русский так называемый, и наоборот. Начали меняться домами, комнатами, квартирами, в общем, переселялись, суматоха была страшная. Мебель ведь не понесешь, собирали какие-то вещи, на колясках, те люди с других районов сюда переезжали. Для нас первое время это было просто какое-то такое, интересное занятие. Мы помогали своим евреям, мы думали, ну переселят их, ну так надо, кто его знает?

- А чем помогали?

- Да, помогали отвозить, ну на чем отвозили? На колясках таких больших, на колесах, укладывали туда все имущество и возили.

- И кому вы помогали, вы помните?

- Конечно.

- А для какой семьи, не помните?

- Да мы всем помогали. Всем помогали, кому нужно было, кто постарше, кто с детьми. Притом, это не один день, это несколько дней было. В течении там 10ти дней, пока они переселялись из одного места жительства, на другое. Ну и все. Те люди, которые, пришли сюда после, те люди были нам незнакомы. Ну, начали знакомиться. Первое время, сразу еще, с нашей стороны, с моего окна этот район виден, это гетто даже сейчас и проволоки с нашей стороны возле реки не было и мы туда ходили.

- Как бы в гости ходили?

- Ходили узнать, а как они устроились, а как они там теперь будут жить.

- Угу. И что?

- Ходили свободно. Было очень тесно, было очень скучно. Ну, как и у нас, евреи занимали, сколько комнат, так они и поселились, в одну, в две, в три. Но все все-таки в одном месте они поселились, как жили они во дворе все вместе, так и в гетто, они все вместе поселились. На Замоктовую улицу. Это сразу вот здесь за рекой, Замоктовая улица. На Замоктовой улице они и поселились. Ну и у них началась свою жизнь в гетто, а мы продолжали жить своей жизнью в оккупированном Минске.

- Так что вы ходили и получается, что можно было свободно ходить?

- Ну не то, что свободно...

- И им тоже можно было выходить?

- Ну, не то чтобы свободно. Свободно конечно нельзя было, потому что стояли вышки, на вышках были охранники. Свободно нет. Но вы понимаете, когда люди почувствовали, что нечего есть, голод, заставит в любом случае...

- ...

- ...

- Знаете, мы попробует сохранить хронологическую линию. И я хочу еще спросить у вас, ну чтобы не возвращаться и идти дальше, про первую неделю или первый месяц войны, в то время, может быть, были такие случаи, чтобы вы видели военнопленных советских?

- О да. Вот я уже говорила, что наша улица, где мы жили, это была такая центральная улица, как бы на окраине города. Потому что, совсем недалеко от нашей улицы, стояли казармы, где были вот в это время...

- Это бывшие советские казармы?

- Да, бывшие советские. Три большие казармы стояли. Здесь все-таки западная граница была, и здесь стояло очень много войск.

- Вы имеете в виду здания, три корпуса?

- Да, три корпуса. Два корпуса трехэтажных и значит один двухэтажный. На то время, это были большие казармы, и в них располагались солдаты. И немцы, эти казармы, сразу заняли под свои казармы. Там было все оборудовано: и кровати, и тумбочки и все, все, все. Даже постель и одежда, все. Как ушли наши войска, а все остальное там осталось. Немцы заняли эти казармы и там жили. И наша улица была главной улицей, вот с западной стороны по которой двигались военнопленные. Вот это все мы видели и не только видели, но и сочувствовали. Сочувствовали и пытались хоть как-то и в чем-то помочь им, в том отношении, что они...даже пить очень просили. Они голодные были, они шли босые, они шли раненые, они шли полураздетые. И поэтому мы очень сочувственно к ним относились, друг друга поддерживали, сколько могли. Охраны большой не было, но были, правда, с собаками. И очень многие военнопленные, ну может не многие, ну, во всяком случае, наиболее сильные и отчаянные, они шли, а у нас там были дома и калитки, заборы, заборы, и там где были открыты калитки, они из шеренги удирали в эти дома и прятались среди этих домов. И немцы ничего не могли сделать, потому что охраны не было столько много...

- Достаточно

- Да, достаточно чтобы бежать за этим военнопленным, ну он может пострелять, пострелять, в след ему и все. Были случаи конечно, когда были убиты, но были и когда оставались живы. И Осип, был один такой Осип, он остался жив, благодаря тому, что он вскочил в нашу калитку и спрятался и просил, так как солдаты были полностью бритые, он попросил сразу кепку на голову, чтобы не так было заметно и одежду.

- А помните фамилию его?

- Осип, он получилось так, что его гнали по нашей улице, и эти Соколовские, семья Соколовских, они были родственниками этого Осипа. Он знал, что они здесь живут и такая судьба его, что его гнали по этой улице, и он вскочил в эту же калитку. Было куда, где прятаться, и его спрятали, его переодели и он таким образом остался жив.

- И он остался всю войну здесь, в Минске?

- Нет, он уехал в свою деревню. Родственники его здесь жили, а сам он жил в деревне. Во время войны, он все, переделся, спасся, он ушел и уехал в свою деревню и всю войну он провел в этой деревне. В какой деревне я не знаю.

- Вы говорили, что были случаи что стреляли и убивали, вы сами такое видели?
- Да, это мы видели, вот это мы видели. Те, которые не могли идти, совсем, в них стреляли и оставляли лежать на дороге, потом мы его хоронили. Хоронили, значит на Московском кладбище, интересно даже, то есть не Московское, а военное кладбище, недалеко вот здесь, где я живу. На этом военном кладбище хоронили, этих значит вот, подбирали и гражданское население хоронило.
- А когда говорите “мы”, вы имеете в виду и свою семью тоже или других жителей?
- Понимаете что, тут участвовали все, кто мог, кто видел, что остался этот человек убитый, солдат, те в основ его и хоронили.
- Ваши родители тоже хоронили?
- Нет, нет. На той же коляске, на той же коляске, отвозили его на кладбище, выкапывали яму и хоронили его на военном, здесь, значит, кладбище.
- Я хочу спросить, много таких военнопленных вы видели?
- Много, много. Ведь дело в том, что их в основном вели в дневное время, потому что ночью немцы боялись что убегут. И их все время вели через нашу улицу. И случаев было таких много.
- А сколько дней примерно вы видели, чтоб вели?
- Ну, я вам не скажу сколько дней. Это было не менее, в течении двух, трех недель. Это много, это долго было.
- И вы видели, например по одной колонне в день или несколько колонн?
- Несколько колонн было. Были дни, когда не было, вообще не вели, а было, когда шли и шли и шли, шеренгой без конца. И частично их оставляли, есть у нас такое место Дрозды, в Дроздах эти военнопленные находились, а частично парк Челюскинцев, это вот, уже за городом, в этих местах.
- А когда вы говорите, что они шли и шли и шли, то есть часами могли идти такие колонны? Вы про это имеете в виду?
- Ну, часами, конечно нет. Вначале вели одну колонну, потом какой-то перерыв, потом следующая колонна шла. Нет, чтобы одна сплошная линия шла, сплошная цепь, нет, конечно. Но в день проходило несколько колонн, а были дни, когда вообще не проходили эти колонны. Но шли они долго.
- Сколько примерно людей могло быть в колонне вот такой?
- Ну, я вам скажу, что в ряду, четыре, пять человек. Ну, а так колонна длинная, я уж не знаю, сколько там человек, но в ряд, четыре, пять человек.
- По времени вы не помните, сколько одна колонна могла пройти?

- По времени, ну где-то полчаса, не меньше.
- Полчаса, чтобы одна колонна прошла?
- Да, да.
- Понятно. Вы говорите, что были: деревня Дрозды и парк Челюскинцев, где их собирали. Вы видели эти места?
- В Дроздах я не была, а в парке Челюскинцев я была, почему, потому что, потом было такое, значит, вы понимаете, было такое, что среди гражданского населения в Минске, чьи-то братья, мужья, сыновья были в армии. И каждый надеялся среди пленного найти своего близкого родственника. И каждый шел туда, возле парка Челюскинцев, там уже было огорожено и возле проволоки, кричали, спрашивали, выкрикивали фамилии и имена, есть ли такие. А те солдаты лежали на голой земле, лето тогда было, жарко, но, тем не менее, никаких строений, никаких бараков там не было. Это был лес, зона отдыха минчан, за городом, и туда значит, определяли всех этих военных. И наши женщины, с нашей улицы, тоже ходили туда, и искали так сказать, вот этих вот своих родственников. Но не находили. Никто не нашел, никто не нашел. И значит были женщины, которые взяли...понимаете как это было, подходили пленные, скажи что я твой брат, скажи что я твой муж, меня зовут так и так. И даже были случаи, что женщины упрашивали охрану и охрана за какую-то, ну не знаю, мзду или еще что-нибудь, отпускала. И у нас две женщины этих военнопленных.
- Двух военнопленных?
- Двух военнопленных. С нашей улицы. С переулка точнее, у нас еще переулок был Кулачевский. Наша улица была Сторожевской, а еще был переулок Кулачевский. И они увели вот этих двух мужчин. Но эти мужчины значит, они, потом некоторое время побыли видимо, и ушли. Ну как потом они говорили, уже после войны, эта: Борщевская, Шура и Алла; они говорили, что эти мужчины были в партизанах. Но я их больше никогда не видела и судьбы их не знаю.
- Я хочу спросить, вот вы говорите, что они стали упрашивать охрану.
- Да.
- На каком языке? Кто охранял?
- Ну, я не знаю, как они там уже общались. Кто-то говорил, там, ну жестами, вот это мой...
- Но там немцы охраняли?
- Немцы.
- Вы ходили вместе с этими женщинами?
- Да, ради интереса я ходила, ради интереса.

- Вот с этой Борщевской?
- Да, да, да.
- Вместе с ними, вдвоем вы пошли туда?
- Мы были...да.
- Или кто-то еще?
- Я ходила туда не один раз, я ходила туда неоднократно, но этот случай, когда женщины смогли спасти жизнь вот этим двум военнопленным.
- То есть, вы видели лично, как забирали оттуда этих двух мужчин?
- Я видела. Я видела, как они выходили вместе с мужчинами с этого самого...
- Ага, то есть сам процесс переговоров вы не видели, как они договаривались?
- Нет, нет, нет.
- Потом они вам говорили, что они что-то заплатили?
- Да, да.
- Я так поняла, там была колючая проволока, да?
- Да.
- Никаких других заборов, строений не было?
- Нет, нет, нет.
- А какую площадь занимала?
- Большую площадь, я вам скажу, приблизительно. Значит это было, километр на километр.
- Внутри вы никогда не заходили?
- Во время войны нет.
- Когда их там держали, военнопленных?
- Нет, нет. Туда нельзя было зайти, там охрана стояла, за проволокой, туда не пройти.
- Много там охраны стояло за проволокой?
- Ну вы знаете что, я бы не сказала, что очень много охраны.
- А этих военнопленных внутри много было?
- Много было, много.

- В каком они состоянии были?

- В таком состоянии, в каком они двигались, в: плачевном, жалком, страшном, в таком они там и находились. При том они их же не кормили, они голодные были. Они же рассказывали, что им давали кушать селедку, а жара...летом, вот это они говорили. А пить, а воды нет, они страдали еще и от жажды. Пить не давали.

- Вы видели когда-нибудь, чтобы оттуда выводили мертвых людей?

- Нет.

- Или там уже внутри, не было видно мертвых людей?

- Нет, нет.

- Сколько времени этот лагерь там был?

- Вы понимаете что, спустя какое-то время, их оставшихся куда-то значит...

- Увезли?

- Да, увезли.

- И потом уже колючую проволоку, сразу сняли?

- Да, потом не было там ее уже, просто...больше там никто не находился.

- Угу. Вы помните, сколько примерно времени этот лагерь там был?

- Я вам скажу, это наверное было, не больше месяца, не больше месяца.

- Понятно. А военнопленных стали гонять по вашей улице сразу как вы вернулись домой, или прошло какое-то время?

- Прошло какое-то время, да прошло. Но немного времени прошло, неделя не больше, дней шесть или пять. Пять, шесть дней и сразу пошли потоки вот этих вот военнопленных.

- Пока вы там приходили, вы говорили, что несколько раз приходили, вам не приходилось видеть, что там кого-то расстреливали из них, из этих военнопленных?

- Ну, только вот этих, которые не могли двигаться.

- То есть только по дороге когда, а внутри лагеря не было такого?

- Нет, этого я не видела, этого я не знаю. А только пристреливали тех, кто не мог двигаться. Это я видела.

- И об их судьбе, что, куда их дели, вы не знаете?

- Я ничего не знаю. Дело вот в чем еще, что потом рассказывали и это я знаю абсолютно точно, что из этих военнопленных, очень много отбирали в полицию, солдат. Каким образом там это все проходило я не знаю, но какая-то часть военнопленных согласилась, значит, вот быть в полиции.

- А кто вам рассказывал?

- Они же сами и рассказывали.

- Понятно.

- Да. Так как потом заселили вот эти три казармы, немцы...

- Эти три корпуса?

- Три корпуса, да. Значит, немцы ушли из этих казарм, и в одном корпусе поселили литовских и латышских полицейских; во втором корпусе украинских полицейских; и третий корпус вот был, где жили немцы. И вот эти полицейские, которые уже жили с литовцами и с латышами, мы уже не общались, белорусы, вот с нашей улицы. А с украинцами, с полицейскими, общались, наше вот население, которое проживало, там, где вот оно проживало. А эти казармы были рядом с нашей улицей, параллельно нашей Сторожевской улице, когда это Комаровская была улица, сейчас это проспект Машерова называется, а эта Комаровская улица шла параллельно нашей Сторожевской улице. Ну и эти украинцы, они свободный образ жизни вели, и правда одели в форму определенную и все. И они, так как они вели свободный образ жизни, они начали знакомиться с нашим населением. И знакомились с разной целью, ну общаться надо было им с молодыми девушками, а очень многие молодые девушки принимали их к себе в дом, в том числе и в нашем дворе. Шура и Рема Соколовские, они приняли двух этих украинских полицейских. Одного звали Ваня, а другого Вася. И они, здесь в нашем дворе, так в свободное от их рабочего времени так сказать, находились с этими, со своими, считали их женами.

- Я хочу спросить у вас, вот вы говорите, что их отдельно расселили, латышей, литовцев там, украинцев. А откуда вы знали вот такие подробности?

- Так мы же, ну жили мы там три года, это не три дня, не три недели, это долгий срок. Мы знали что вокруг нас, так сказать происходило. При том, интересно то, что литовцы и латыши были одеты в другую форму. А украинские полицейские и белорусские полицейские были одеты в другую форму. И поэтому литовцы и латыши, они отличались, мы их сразу отличали.

- А вы заходили когда-нибудь их территорию?

- Нет, нет.

- То есть не заходили?

- Я не заходила на их территорию, но я единственное, что помню, был очень интересный эпизод. Может быть, я в тот раз говорила, а может быть и нет, что когда только заселились немцы в эти казармы, первые дни войны. И там устроили в одной из этих казарм немецкий госпиталь. И тогда, а дети голодные ведь были, кушать было нечего, но дети всегда такие, они всегда: где, что, кто, чего. Они всегда раньше всех всегда все узнавали, раньше взрослых всегда. Через некоторое время, подбегает, значит, кто-то к нам, в наш двор и говорит: “В казармах немцы детям дают кушать”. Говорил еще брать какие-нибудь кастрюльки и идите, потому что они наливают черпаками в кастрюльки с которыми дети приходят. Ну, конечно, мы тоже, как и все дети во дворе пошли, и увидели интересную картину, значит: лето, кухня немецкая, и значит, что немцы делали; детей было много, они выстраивали, потом я уже поняла, это, наверное, у них психологически как забава была, я не знаю точно, они все это фотографировали. В общем, они выстраивали детей в очередь, маленьких впереди, старших подальше и по очереди каждый ребенок подставлял свою мисочку и из котла, это были остатки, которые остались после того, как кормили, значит этих солдат и раненых. И каждый подставлял свою мисочку и им давали там что-то. Я помню мне попало какао, потому что там не всем одинаковое давали, там суп кончился, давали кашу, каша кончилась и все. А мне попало какао. Я с тех не знаю почему, но мне казалось мне будут говорить, что раз ты пила какао от немцев, значит сейчас будешь брезговать, но я очень полюбила какао. И его пью по сегодняшний день. Да, так вот мне попало какао. И это происходило столько, сколько находился там госпиталь, оттуда убрали и вот поселили туда уже этих полицейских, и наша, как говорят, кончилась эта...

- Просто я хотела понять, все-таки, как вы все-таки знали, вот что в одном корпусе живут только литовцы, а в другом, только украинцы?

- Так мы там жили, мы же там жили.

- Это видно было, кто есть кто?

- Да, конечно видно было, видно было. Ну вот три рядом дома, наша улица и следующая улица, мы все вместе общались, мы ходили друг к другу. И мы видели, между прочим, эм, у нас же не было никаких удобств, и воду мы носили из колонки. На коромыслах этих вот, знаете?

- Да.

- А колонка эта находилась на этой Комаровской улице, надо было пройти через Пугачевский переулок...

- Рядышком с казармой?

- Да, напротив, именно напротив казармы. Я даже сейчас знаю где эта колонка находилась, потому что все время носили ведрами оттуда воду и мы все это видели, все это наблюдали, как они выходят оттуда, как они входят оттуда...

- Все видели, что они в разных формах?
- Конечно, конечно.
- Вы помните какого цвета была форма, например у литовцев и у украинцев?
- Ну, у наших черная форма была, а у литовцев, была такая значит, ближе к зеленому. Была ближе к немецкой форме.
- А эти знакомые, полицейские, которые уже начали посещать ваших соседей, они как часто заходили к вам?
- Как были свободны, так и приходили. Они ночевали даже там, у этих женщин, своих жен, как они их называли. Ну и снабжали их...
- Продовольствием?
- Да, продовольствием и одеждой.
- Когда они к вам приходили туда к вам в дом...
- Да...
- ...вы слышали какие-нибудь разговоры об их работе, занятиях, чем они занимались, что они делали?
- Вы понимаете, очень многие, вот эти вот два человека, эти Ваня и Вася, они были настоящими...они вошли во вкус видимо, они были настоящими полицейскими. Потому что они рассказывали, рассказывали именно, как они учувствовали в акциях расстрела евреев.
- Угу, это уже позже случилось, да?
- Это уже вот да, когда начались погромы. 7 ноября первый погром был, потом 8 ноября, ну и они участвовали и в этих погромах и дальше и дальше и дальше.
- А где эти погромы происходили?
- Погромы происходили и на территории гетто и вывозили их с территории гетто. На машинах вывозили, и погромы эти были в разных местах, за городом.
- Понятно, то есть...
- И вот они рассказывали, как проходила эта акция этих погромов. Вот это они рассказывали, открытым текстом. Нам, во дворе, людям и мы же дети были, нам обязательно все это надо было слышать и видеть. Нам лично детям это не говорили, говорили взрослым, а мы там были и все это слышали.
- И что вы слышали?

- Мы слышали, как проходила вся эта акция, как их заталкивали в машины, как их везли, как их как их расстреливали. Все то, что где-то описано и рассказано, все правильно. И даже такие подробности, ну нехорошие. Я уже говорила об этом что, привезут партию людей, расстреляют, и им же, полицейским говорят оставаться на местах, так как скоро привезут следующую партию для расстрела. Холодно было, они жгли костры, чтобы в этот промежуток как-то согреться. Ну, вот факт, вот такой страшный факт. И они говорили, что выбирали полных женщин, бросали в костер и обогривались.

- Это уже убитых?

- Живых.

- Живых бросали в костер?

- Да, это они говорили. И даже с таким подробностями, говорит...извините, он говорит “жирная” и говорит: “это сало, шипит, шипит, когда она горит, это сало шипит”. Вот это было, это было, это мои уши слышали.

- А какая реакция была у людей, которые слушали это?

- Молча. Молча, слушали, что мы им могли сказать? Никак.

- А, не знаю, эти их жены, они как-то комментировали?

- Нет, нет, нет. Их полностью одевали в эти вещи, которые забирали уже у казненных людей.

- А откуда вам известно про вещи?

- Так они ходили в этих вещах.

- И они сами рассказывали что эти вещи...

- Конечно, понимаете что, вот сейчас более закрытый образ жизни у людей, вот у нас четыре семьи в коридоре, мы мало знаем друг о друге. Тогда это было совершенно другое. Это были маленькие дома, они были деревянные, все вместе жили в одних дворах. Каждый знал, какую ты новую вещь купил, какую новую мебель приобрел. Ну, вы понимаете, это была семейная жизнь вот такая. Поэтому это было видно, мы знали, это не скрывалось, и они это одевали, и мы знали, откуда эти вещи. И все.

- То есть они сами говорили, откуда у них эти вещи?

- Не то чтобы говорили, мы сами знали, что вот она одела там что-то новое, откуда? Ведь магазинов не было, купить негде было. На базарах продавали эти же вещи, кто-то из полицейских мог принести. Рынки были, продавали на базаре. Покупали крестьяне, которые приезжали, меняли на продукты, вот эти вещи, вот.

- Понятно, давайте тогда вернемся обратно к истории насчет гетто. Вот после того, как вы туда ходили и говорили, что более ли менее свободно там было...

- Да. Дело вот в чем, я до войны окончила 3 класса. Я училась, значит в школе, это русская школа была, но в нашем классе полный интернационал был: поляки, евреи, татары, украинцы и русские. Вот значит, такой состав в нашем классе был. Кстати, у нас в классе учился мальчик Полонский, в нашем классе, он потом стал знаменитым артистом в Польше. Полонский, это и режиссер, и артист, вот вместе со мной, до войны учился в одном классе. Поляк по национальности. И учились две девочки, с нашей улицы, рядом с нашими домами, Ида Борщева и Нина Цейнтлева.

- Угу.

- Их дома, пожар уничтожил. У Иды Борщевой так сложилась судьба, что она осталась совершенно одна. Ее мама до войны, работала в такой солидной организации, которая называлась НКВД, и она эвакуировалась, но ей не разрешили взять с собой, ни дочь, ни мать. Только она уехала в эвакуацию, вместе с этой организацией. Во время бомбежки, Ида потеряла бабушку...

- Так что она осталась одна?

- Ида осталась одна, дом сгорел, и она пришла к нам и осталась у нас. Нина Цейнтлина, Нина Цейнтлина, интересная семья, ее папа, был, играл, музыкант, играл в оперном театре, в оркестре. Но перед войной он уехал на гастроли, а его семья – жена и две дочери, остались здесь. И вот эта Нина, его дочь старшая, и вторая Таня – девочка, и мама их. Они ушли в гетто. Ида была с нами в основном. Она была с нами, до тех пор, пока не образовалось гетто, но так как организовалось гетто, а в гетто был организован детский дом, то Ида ушла в детский дом, в гетто. А Нина с мамой сразу ушли в гетто. Когда в гетто кушать нечего, кормить не кормили, холодно было, все Ида начала к нам приходить домой. Приходила столько, сколько могла. Что значит приходила? Через проволоку, под проволокой перелезала, вот прямо здесь, напротив моего дома. Приходила обогреться, спрятаться, поесть, особенно после первого погрома.

- Бабушку она так и не нашла, ни в гетто ни...?

- Нет, бабушку все-таки, во время, когда солдаты двигались вместе с беженцами по дорогам, бабушку каким-то образом, солдаты посадили в свою машину и эвакуировали. После войны она вернулась и мама вернулась. А Ида была здесь всю войну одна. Ну, сколько можно мы ее держали, вот, периодически она приходила. Но потом, когда в гетто, не расстреляли даже, а убили, тали убивать детей, которые находились в детском доме. Тогда у нее была судьба, быть значит с нами. Что сделал мой отец? Перед самой войной, он уже работал в школе, и он был знаком с одним человеком, который, в немецкой комендатуре, заведовал детскими домами, русскими детскими домами, значит на территории Минска. И отец был знаком с этим Орловым, так как Орлов был тоже был по образованию педагог, и они были знакомы, до войны. И он уговорил этого Орлова определить Иду в этот русский детский дом.

- Этот Орлов тоже узнал, что девочка еврейка?

- Конечно, он знал, и он это сделал, и он определил ее во второй детский дом. Но внешность ее подводила, и все-таки в этом русском детском доме, было много евреев, еврейских детей. И их как могли, так прятали. Все сотрудники детского дома, когда узнали что будет проверка, их прятали по подвалам, их куда-то вывозили, в костел или в церковь, их значит, на чердаках прятали этих детей. И таким образом эти дети нашли спасение в русском детском доме. В том числе и Ида.

- Откуда вам такие детали известны?

- Так мы же потом все это рассказывали друг другу.

- Это сама Ида вам рассказывала?

- Конечно, она и сейчас жива.

- Давайте, просто я уточню, то есть сразу, после гетто, Ида пошла в детский дом или она у вас была, какое-то время?

- Была у нас до тех пор, пока значит не определилось гетто.

- А потом уже...

- А когда определилось гетто и детский дом, она ушла в гетто, в детский дом. Когда начали убивать, начались погромы и убивать детей из детского дома, она ушла оттуда, вырвалась и прибежала к нам. Тогда другого выхода не было и она начала ходить к нам.

- Я хотела еще спросить, какой промежуток времени она провела в этом вашем доме, до того, как в этот русский детский дом пошла?

- Ну, я вам скажу, это было где-то в конце 42ого года.

- А когда она сбежала из гетто, еврейского?

- Она периодически приходила, нельзя сказать, что она сбежала и постоянно у нас была...

- Хорошо...

-...она была и там и там, и там и там, понимаете, вот так.

- Хорошо, я тогда по другому спрошу. Вы говорили, что они начали убивать в гетто детей, в детском доме, когда они начали убивать?

- Ну, они не сразу всех убили, а вот когда погром, какую-то часть убивали, потом еще одну. Но детский дом уничтожили быстро, я не могу сказать, что когда совсем перестало существовать гетто, детского дома не было. Детский дом уничтожили где-то в течении полутора лет.

- В течении полутора лет.

- Да.

- Начиная, с какого года?

- С 41ого.

- С 41ого.

- Да.

- Она пришла тогда, в 41ом как бы и переехала в этот русский детский дом или в 42ом? В 42 вы говорили?

- В 42ом.

- Помните, какой месяц или хотя бы какое время года было?

- Я даже не могу сказать, наверное, это было начало года.

- Начало 42ого года?

- Да, начало года. Потому что, страшно было находиться в гетто. Это было начало 42ого года.

- Этот человек, Орлов, вы знаете только его фамилию или имя тоже известно?

- Лично я знаю его только по фамилии, но в литературе он упоминается. Так что его можно найти, это имя. Но этот эпизод, где значит Орлов, с моим отцом, они спасли эту, так сказать девочку. А Нина Цейнтлина, Нина Цейнтлина, она совершенно уже по другому...

- Спаслась?

- Да, вариант ее спасения был совершенно другой.